

Николай КОЛМОГОРОВ НАШ СОВРЕМЕННОК №1 2024

<https://журнал.наш-современник.рф/publikatsii/nikolay-kolmogorov-nash-sovremennik-1-2024/>

Направление

Память

Автор публикации

Николай КОЛМОГОРОВ

Описание

ПАМЯТЬ

“ДУША ЛЕТАЕТ, ПЛАЧА И РЫДАЯ...”

В прошлом году исполнилось 25 лет со дня ухода из жизни замечательного поэта, уроженца Кузбасса Николая Колмогорова.

Он прожил всего 50 лет.

В пятнадцатилетнем возрасте впервые напечатал стихи в газете “Комсомолец Кузбасса”.

А в 1977 году в Кемерово вышла его первая книга стихотворений “На земле светло”.

К этому времени он сменил множество профессий: работал помощником бурового мастера на Чукотке, сгонщиком древесины на лесосплаве, слесарем-наладчиком, замерщиком глубин в верховьях Енисея под Минусинском, сборщиком самоцветов на Томи, ювелиром...

Но главным делом в его жизни стала поэзия.

В предисловии к книге “На земле светло” Станислав Куняев отметил наиболее характерные черты молодого поэта, которые со временем находили всё более совершенные воплощения в поэтических строках: “Душа поэта — такой же полуфантастический и всё же реально существующий мост, связывающий самые разные стихии: материальное жизнелюбие и духовные взлёты, время и вечность, своё задумчивое одиночество и любовь ко всему земному в мире. А то, что Николай Колмогоров — истинный поэт, я понял ещё года два назад, когда распечатал конверт со стихами, и первое же стихотворение дохнуло на меня воздухом жизнелюбия, весны, влаги...

Чувство природы, ощущение живого родства с зелёным полем, синим небом и светлой рекой — вот горячее, на котором работает мотор поэзии Колмогорова... Но не только природа, но и человек, и наша обыденная земная жизнь дороги поэту. Его стихи о детстве, о матери и отце, о своей небольшой родине — районном городке, полугороде-полудеревне, стихи о любимой женщине человечны и просты. А значит — глубоки. Душа поэта понимает и голоса травы, и судьбы людей...”

Мы познакомились с Николаем, когда он учился на Высших литературных курсах. В аудитории Литинститута, где я рассказывал о драматической судьбе Павла Васильева, невысокий, крепко сбитый человек подошёл ко мне, представился и стал пытливо расспрашивать меня о безвременно погибшем поэте. Беседа затянулась ещё на час, а позже я прочитал очевидно навеянное нашим разговором стихотворение Колмогорова “Памяти поэта Павла Васильева, погибшего в тридцатые годы”.

Он неоднократно печатал стихи в “Нашем современнике”, а я, читая его последующие книги — “Дом”, “Хлеб исканий”, “Избранные стихи” — не уставал удивляться свежести и глубине чувства, тонкости поэтического рисунка, душевной открытости, гармонично воплощённой в строке.

В настоящей подборке представлены стихотворения Николая Колмогорова из его разных

книг.

Сергей Куняев

* * *

Снова ты в этом мире! Мокрые вздохи деревьев, —
видно, совсем недавно тёплый прошёл дождь!
Птицы не гомонят, а на полях за деревней,
как буруны перекаатов, журчит созревшая рожь.
А в небесах светло, будто за облаками,
души давно забытых взгрустнули едва-едва
о голубой земле, которую ты руками
ласково обнимаешь, пока бормочет листва.
Снова ты в этом мире, где паровозик строчит
шов поворота и — вверх кувыркается дым,
где оживает сад и под горой ворочает
яблоневого кусты, полные голубым...
Непобедима жизнь! Бронза и мякоть плода!
Эти плоды ешь, эти дожди пей!
И запрокинь лицо перед рекой небосвода,
и говори с улыбкой: “Лей, моё небо, лей!..”

* * *

Лежать в траве и в небеса глядеть,
где два орла в бездонности могучей
кругами ходят, обнимая твердь,
и вровень с тёмной грозовой тучей.
Я так люблю их непонятный ход,
предгрозовое это состоянье,
весь блеск и страх надмирного шептанья
текучих перепутанных высот!
Среди холмов и тёмных берегов,
где всё слилось и длиться не устанет,
таинственно кивая из веков,
отец и мать мне зренье затуманят.
И как лежу среди ромашек я,
так и в небесном вихре пропадая,
в одном порыве, в счастье бытия
душа летает, плача и рыдая!..

* * *

Рос влажный хаос зелени бездомной,
стволы столпотворённые вокруг.
И было столько в этом красоты огромной,
что изумился я, забыв испуг.
Те дни, когда мы близких провожали,
во времени переиначил я,
и новыми — прозревшими — глазами
пытался вникнуть в тайну бытия.
Наверно, в сущности, так и выходит:
когда душа переживёт свой час,
не умирают люди, а уходят
и превращеньем удивляют нас.

* * *

От странной мысли вздрогну иногда:
на эту землю, где мороз и вьюга,
мы сметены с небесного листа,
чтоб мучиться
и не жалеть друг друга!
Но точно так же сердце говорит:
на эту землю, где мороз и вьюга,
где столько зла, где позабыли стыд,
мы посланы,
чтоб полюбить друг друга!

* * *

Проснёшься утром... Что откуда,
спросонок сразу не поймёшь.
Стоит холодная посуда,
и по столу струится нож.
Надолго инеем кромешным
зарос большой квадрат стекла.
Ни о каком событии внешнем
ещё и речь не потекла.
И мысли первые случайны,
и вьюги плавающий звук.
В углу на ниточке молчанья
озябший лепится паук.

* * *

Не спеши, о зелёное лето,
столь недолгое в нашем краю!
Лопуха благородная лепка
мне напомнила чашу твою.
Наклоняясь, приник без опаски,
различив отраженье лица,
и живительной влаги, как в сказке,
весь глоток замахнул до конца!
Если это не вихри очнулись,
кто извлёк мою душу из тьмы?
И, как к глухонемому, вернулись
речь и слух после мёртвой зимы.
Под морозами спины сутуля,
мы намёрзли на родине так,
что до самой середины июля
нам ещё не согреться никак.
Но услышал я милую гостью —
за оврагом кукушку в кустах,
и увидел, как белою гроздью
дозревают дожди в небесах.
Где трепещет осинник у взгорья
и смолою текут кедрачи,
в грудь ударило воздухом поля,
будто от раскалённой печи!..

* * *

Ещё повсюду запах сенокоса
и к'опна, как лохматые дома.
И тень тайги, поставленная косо,

преломлена речушкою до дна!
Где душным днём видней из-под ладони,
как ледники сверкают в небесах,
припомнишь вдруг о брошенном кордоне
в густых, как смоль, нехоженных лесах.
Там синевой долины обмелели,
и тем глубинка эта хороша,
что смотришь в мир как бы из колыбели,
наивностью открытья дорожа!
Есть паузы в осенней непогоде,
когда и ветер в сердце не дохнёт!
И тишина, мелькнувшая в природе,
сама себе отчёта не даёт.

ПАМЯТИ ПОЭТА ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА, ПОГИБШЕГО В ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

Никто не знает твой последний кров.
И те, кто хлеб разламывал с тобою,
давно легли в один казённый ров
и без имён пропали под землёю.

Они молчат... Оттуда никогда
не доскрестись до света им ногтями!
И нет нигде ни камня, ни креста
и ни звезды
над этими костями.

Через буран, где не втыкали вех,
меж белых гор невиданного края,
куда ты шёл, как миллионы тех,
по ком вздохнула ямина сырая?

Конвой был зорок.
А за толщей вёрст,
в столичной славе нежась, как в поруке,
твои собратья, накропав донос,
спокойно
от чернил отмыли руки...

Талант всегда кому-то поперёк!
Но той же чашей подлости и злобы
сама судьба, свершившая виток,
не обнесла их чёрные утробы!

В противоборстве истины и тьмы —
кому презреньем, а кому прикладом —
им воздалось!..
Но всё ли знаем мы
о временах, ещё смердящих ядом?..

Без глубины, без правды о былом,
без памяти, хотя бы даже страшной,
народа нет —
есть только скорбь о нём,
а ты для нас
не только день вчерашний!..

Настал твой час. Рассеялся туман,
и уплыла таинственно и кротко
куда-то в Ледовитый океан
в комках шуги
твоя косоворотка.

ВЗГЛЯД

Мне эти звёзды принадлежат,
и я им принадлежу.
Вот они россыпью в небе лежат,
а я на земле лежу.
Долго лежу, гляжу через тьму
и не хочу понять,
кто чья собственность? И почему
жить дано, умирать?
Да, не хочу понимать совсем,
что такое предел!
Был я всегда. И останусь тем,
кем и всегда хотел:
буду, руки раскинув, лежать
на пригорке земли.
Буду снова принадлежать
звёздам, а мне — они.